

Т. В. Воробьева

ЯПОНСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Статья посвящена проблеме размещения и содержания японских военнопленных на Дальнем Востоке. Рассматриваются условия их содержания, быта, использования труда, а также воспитательной работы в трудовых лагерях.

Ключевые слова: военнопленные, интернированные, распределение, труд, условия, питание, документы.

T. V. Vorobieva

JAPANESE PRISONERS OF WAR IN THE FAR EAST

The article is devoted to the problem of accommodation and maintenance of Japanese prisoners of war in the Far East. The conditions of their detention, life, use of labor, as well as educational work in labor camps are examined.

Keywords: prisoners of war, internees, distribution, labor, conditions, food, documents.

8 августа 1945 г. СССР, выполняя взятые на конференциях в Ялте и Потсдаме обязательства, вступил в войну с Японией. Миллионная Квантунская армия была разгромлена за две с небольшим недели. Благодаря невероятному героизму советских воинов, в том числе участников знаменитого Курильского десанта, большинство которого было представлено жителями Камчатской области, 2 сентября 1945 г. на борту линкора «Миссури» Япония приняла условия Потсдамской декларации и заявила «о безоговорочной капитуляции союзным державам». Капитуляция Японской империи завершила де-юре Вторую мировую войну [21, с. 297–299]. Но ещё 14 августа император Хирохито принял условия Потсдамской декларации, а 17 августа 1945 г. им был издан рескрипт «К матросам и солдатам», в котором японским вооружённым силам было предписано прекратить сопротивление войскам из стран антигитлеровской коалиции и сложить оружие [44, с. 368–369]. Поскольку десятки тысяч японских солдат во главе со своими генералами «по приказу императора» сдавали оружие малочисленным советским десантам, японцы не желают считать себя «военнопленными», предпочитая термин «интернированные» [11]. Пленение и перемещение на территорию СССР иностранных военнопленных и интернированных, в том числе граждан Японии, размещённых в лагерях НКВД СССР – одна из дискуссионных тем Второй мировой войны.

Численность сложивших оружие японских войск, противостоявших Красной Армии, историками точно не определена. Причина этого заключается в том, что исследователи ссылаются

на различные документы, содержащие противоречивые данные о количестве военнопленных японцев. Наиболее вероятными являются данные о 639 776 японских солдат и офицеров, сложивших оружие в Маньчжурии в августе 1945 г. Из них 534 101 человек были вывезены в трудовые лагеря НКВД СССР [36, с. 228–230]. Остальные военнопленные были освобождены ввиду того, что они не являлись японцами по национальности, были нетрудоспособными, инвалидами, подростками, были оставлены в качестве трудового резерва в Корее или скончались [26, с. 16].

Перемещение и использование труда бывших японских военнослужащих было санкционировано Государственным комитетом обороны СССР в постановлении № 9898сс от 23 августа 1945 г. [34]. В восточных регионах Советского Союза для размещения военнопленных японцев были специально созданы трудовые лагеря НКВД. Основным органом в системе военного плена, в обязанности которого входила только работа с военнопленными и интернированными, являлось ГУПВИ – Главное управление по делам военнопленных и интернированных. Возведение жилья, хозяйственных построек и необходимой инфраструктуры было возложено на организации и предприятия, использовавшие труд иностранных военнослужащих, находившихся на территории СССР. Большинство японских военнопленных до последнего момента не верили, что им предстоит оказаться в советских лагерях. Они считали, что из Маньчжурии, Кореи и других территорий их везут в Хабаровск, а затем Владивосток для того, чтобы морским путём доставить в Японию.

На Дальнем Востоке нашей страны к началу сентября 1946 г. находились более половины (237 250 – 51,2 %) из 463 760 японских военнопленных, содержащихся в СССР. В том числе в Хабаровском крае 167 827 – 36,2 % их общего числа, более 70,7 % размещённых на советском Дальнем Востоке, в 1,2 раза больше, чем суммарно в Красноярском и Алтайском краях, Читинской, Иркутской областях и Бурят-Монгольской АССР (139 215 человек). Хабаровский край в то время занимал 95 % советских дальневосточных территорий (3,3 из 3,47 млн км²). В него входило 6 областей (Амурская, Камчатская, Сахалинская, Южно-Сахалинская, Нижне-Амурская, Еврейская автономная), 2 национальных округа (Корякский и Чукотский), а также районы, непосредственно подчинённые Хабаровскому крайисполкому (ныне Магаданская обл.) [41].

Из-за скоротечности советско-японской войны лагеря НКВД не были подготовлены к приёму более полумиллиона военнопленных японцев. В течение нескольких месяцев МВД надлежало не только разместить всех японцев в лагерях, но и укомплектовать кадрами учреждения, на которые была возложена работа с бывшими японскими солдатами и офицерами. В лагерях и спецгоспиталях, специально созданных для лечения военнопленных японцев, остро ощущалась нехватка кадров, в особенности – профессиональных и квалифицированных. На момент прибытия японских военнопленных почти ни один хозяйственный орган не был готов к их приёму. Отсутствовали помещения для их размещения и размещения служб лагеря. В связи с этим строительство и ремонт всех помещений производились силами заключённых. Как правило, не выполнялось условие об обеспечении каждого военнопленного полезной жилой площадью 2 м² [5; с. 15].

Размещать военнопленных японцев пришлось в сложных экономических условиях, вызванных огромными потерями нашей страны в Великой Отечественной войне, когда множество советских людей жили впроголодь, на территориях, пострадавших от фашистского нашествия, ютились в землянках, временках, бараках, население Дальневосточного региона испытывало дефицит продуктов питания и предметов первой необходимости, не хватало техники, горючего, рабочих рук и многого другого. Экономическая база региона была слаба. Поэтому не было ни возможности быстро выде-

лить ресурсы для строительства мест размещения сотен тысяч пленных, ни времени. Формированием лагерей занялись за несколько недель до прибытия первых эшелонов с японскими военнопленными на пустых местах, и там, где ранее были подобные учреждения, но от них почти ничего не сохранилось [18, с. 69].

Требования к оборудованию лагерей и зон для военнопленных были определены инструкциями НКВД СССР. Каждый лагерь строился в форме прямоугольника или квадрата и обносился тесовым забором высотой 2,5 метра. Поверх забора по всему периметру натягивалась колючая проволока в несколько рядов. Изнутри и снаружи на расстоянии пяти метров от забора находились предупредительные зоны из колючей проволоки в семь рядов. По углам возводились наблюдательные вышки, оборудованные телефонами для прямой связи с проходной и штабом. Забор также оборудовался сигнализацией и освещался [39].

Заключённые японцы поступали в распоряжение управления Дальстрой и участвовали в строительстве городов наравне с советскими заключёнными и добровольцами. Больше всего зданий было построено в Приморье, многие улицы Находки и Хабаровска появились благодаря японским военнопленным. Жители Находки до сих пор весьма тепло отзываются о жилых домах, построенных военнопленными: добротные и тёплые, с высокими потолками и большими комнатами, они и спустя много лет хорошо ценятся в городе [6]. Японцы использовались на предприятиях и стройках, подведомственных практически всем наркоматам, большая часть этого контингента привлекалась к работам на тех объектах, где требовался малоквалифицированный ручной труд, причём самый тяжёлый и трудоёмкий. Не случайно отраслями наиболее широкого использования труда японских военнопленных являлись дорожное строительство и угледобыча. В Сибири и на Дальнем Востоке не было ни одного крупного угольного бассейна, где бы ни работали японцы. К таким же трудоёмким отраслям относились те, где использовалось значительное число японских военнопленных: лесозаготовительная промышленность, промышленное и гражданское строительство [24, с. 72].

Документы дают нам крайне неблагоприятную картину условий содержания пленных японцев в Хабаровском крае осенью – зимой 1945 г. Отмечаются антисанитарное состояние

мест размещения военнопленных: отсутствие побелки и регулярной уборки в помещениях, грязные постельные принадлежности, плохая вентиляция. При этом пленные не были обеспечены в достаточном количестве тёплой одеждой, предметами первой необходимости и хозяйственного обихода (умывальниками, ведрами и т. п.). Медленное развёртывание сан-дешблоков и прачечных, несвоевременность и нерегулярность санитарной обработки плен-ных при их скученном размещении приводили к массовой завшивленности и вспышкам ин-фекционных заболеваний (в том числе сыпным тифом) [12]. Медицинское обслуживание харак-теризуется в документах как плохо налаженное или отсутствующее вовсе. Лазареты и санчасти разворачивались медленно, не были в достаточ-ной степени обеспечены медперсоналом, ин-вентарём и медикаментами. Часто отсутство-вали изоляторы для больных, что, безусловно, способствовало распространению инфекций [17, с. 112].

Опубликованный в «Военно-историче-ском журнале» сравнительный анализ пока-зал: не было никаких существенных различий норм обеспечения продовольствием советских граждан, японских и других военнопленных. Они получали равноценное питание и пере-живали такие же трудности в обеспечении продовольствием. Японские военнопленные питались не хуже, а порой даже лучше на-ших соотечественников [26, с. 61–68]. Однако «в лагерях несвоевременно решались вопросы транспортировки продовольствия, очень ча-стыми были перебои в поставках отдельных видов продуктов, их недодача довольствующи-ми органами, замена одних продуктов другими. Особенно плохо снабжались лагеря овощами» [14, с. 125–132]. «Субъективные трудности, свя-занные с недоработками и халатностью работ-ников Управления военного снабжения НКВД СССР, усугублялись объективными фактора-ми. Среди них особое значение имели сибирское бездорожье и удалённость от крупных городов» [13, с. 45–46].

Японская модель питания существенно от-личалась от русской. Специфика японской кух-ни, а также желание японских плен-ных любыми доступными способами увеличить количество потребляемых продуктов, улучшить качество и витаминизированность пищи, вынуждали их активно заниматься сбором дикорастущих рас-тений, ловить змей, лягушек, кузнечиков. Япон-цы стремились добывать пищу из, казалось бы,

несъедобных вещей – диких трав, насекомых, жуков-короедов, змей, различных корней и т. д. [30, с. 111]. «Во всех лагерях без исключения воен-нопленные занимались собирательством – вы-капывали корни и луковицы растений, собирали грибы, дикий лук и черемшу» [2, с. 30.] Но отрав-ления несъедобными дикорастущими растени-ями в незнакомой японцам природно-геогра-фической зоне были неизбежны. Отравления с летальным исходом не были редкостью [10].

Однако следует помнить, что последствия войны, неурожай и засуха привели к голоду 1946–1948 гг., который коснулся трёх респуб-лик Советского Союза: Молдавии, Украины и России. Согласно данным Министерства здравоохранения, больных с диагнозом «дис-трофия» всего по РСФСР в этот период на-считывалось 600 тыс., на Украине – более 800 тыс., в Молдавии – более 300 тыс. Надо было не просто кормить население СССР в те-чение года, но и оставить зерно на семена, на случай войны и для помощи регионам, особо сильно пострадавшим в период голода. Чтобы уменьшить масштабы и последствия голода в стране, государство справедливо раздели-ло урожай между всеми жителями СССР, что стало причиной отсрочки отмены карточной системы [22]. Для предотвращения катастрофы в дальневосточном регионе, «зимой 1945–1946 гг. продовольственные ресурсы, предназначенные войскам НКВД и Дальневосточному военному округу, из-за катастрофического положения с питанием военнопленных были отданы лаге-рям японцев» [3, с. 140].

К этому времени только готовился Хабаров-ский процесс – суд над группой бывших воен-нослужащих Квантунской армии, обвиняемых в создании и применении бактериологического оружия в период Второй мировой войны, в на-рушение международного Женевского прото-кола 1925 г. о запрещении применения на войне удушающих, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств [31], но о бесчеловечных преступлениях японской во-енщины и учёных уже знали в СССР. По оцен-ке Генерального прокурора РФ И. В. Краснова, «хотя Хабаровский процесс не носил междуна-родного статуса, общемировое гуманитарное значение его итогов трудно переоценить. Наря-ду с Нюрнбергским и Токийским трибуналами, он лёг в основу базовых документов ООН. Не-сомненно, оказал воздействие на последующие запрет и ликвидацию бактериологического ору-жия» [43]. Эта информация также повлияла на

восприятие дальневосточниками японцев, но в целом к ним относились лучше, чем к немцам.

Стремление лагерной администрации оградить пленных от контактов с местным населением не всегда приносило результат. А на производстве зачастую это и вовсе было невозможно. О. Д. Базаров опубликовал фрагменты воспоминаний ветеранов, работавших на шахтах Бурятии рядом с японскими пленными. *«Я ещё тогда понял, – сообщил бывший шахтёр С. Н. Блинов, – что японцы очень трудолюбивый народ. Они ни за что не будут сидеть без дела: что-то делают и делают всю смену. Вот хотя бы взять с чисто человеческих позиций. Они же ведь были военнопленными. Для чего, спрашивается, стараются? Вообще японцы были общительными и порядочными людьми. Многие советские граждане сами были жертвами войны и политических репрессий, что "у людей возникали чувства жалости, сочувствия, дружелюбия по отношению к японским пленным" [2, с. 62].*

К середине 1946 г. условия быта, труда и материально-техническое обеспечение японских военнопленных существенно улучшились. Были разработаны и внедрены в практику инструкции по работе с ними. Оперативная и политическая работа с военнопленными японцами приобрела более системный, плановый характер. ГУПВИ уделяло большое внимание организации культурного отдыха военнопленных [15].

Японскому военнопленному разрешалось отправлять родственникам одно письмо в три месяца, но при этом военнопленным, перевыполнившим норму на производстве, разрешалось отправлять два письма в три месяца, во Владивостоке была создана цензура из числа переводчиков японского языка, здесь сосредотачивалась вся корреспонденция японцев» [28, с. 93]. Переписка японским военнопленным была разрешена не только с целью демонстрации советским руководством соблюдения СССР норм международного права (положений Женевских конвенций 1929 и 1949 гг.). Её разрешили и для «разоблачения» активно распространявшихся в Японии слухов о «невыносимых условиях жизни военнопленных в Советском Союзе» [46].

В ряде лагерей советского Дальнего Востока существовали специальные «школы коммунизма» для идеологической обработки военнопленных, которую проводили советские политработники и коммунистически настроенные японцы из числа самих пленных. Формы

и методы идеологической работы в лагерях не отличались разнообразием, зато охватывали большое число военнопленных. Большое значение политорганы в лагерях придавали созданию «демократических бригад». Были открыты специальные курсы по подготовке демократов-антифашистов из числа рядовых военнопленных. Характерно, что подготовка «специалистов» проводилась с отрывом от основной работы, поэтому желающих учиться на данных курсах было всегда более чем достаточно. Большие надежды возлагались органами МВД на издаваемую в Хабаровске на японском языке газету военнопленных «Ниппон Симбун» («Японская газета»), которая являлась важным элементом в системе идеологической обработки военнопленных [4, с. 41–47].

Культурно-массовая работа, развёрнутая в лагерях японских военнопленных, была организована советскими властями наряду с политической работой и во многом в поддержку ей [19]. Организовывалась она на основе самодеятельности контингента по аналогии с лагерями ГУЛАГа и делилась на официальную, проводимую политработниками и администрацией, и неофициальную формы лагерного творчества военнопленных. Центром организации культурно-массовой работы среди японских военнопленных являлись лагерные клубы, в которых реализовывались разнообразные формы проведения досуга пленных (настольные игры, репетиции хоровых, музыкальных коллективов, театральных кружков и др.), а также официальные культурно-просветительские мероприятия (просмотр советских кинофильмов, выступлений концертных бригад японцев и их театральных постановок) [37, с. 117–118]. Кинофильмы демонстрировались регулярно – 2–3 раза в месяц; перед показом фильма выступал политработник с объяснением содержания картины. Просмотр фильмов был весьма востребован военнопленными и оставлял у них яркое впечатление [42, с. 157]. В июне 1988 г. в Токио в культурном центре в районе Синдзюку в течение 10 дней работала выставка «Творчество военнопленных в Сибири», на которой было выставлено около 170 полотен 42 художников [28, с. 94–97].

Японские военнопленные, размещённые в Бурятии при лагере № 6, создали популярный самодеятельный ансамбль «За новую жизнь». Репертуар ансамбля был идеологически выдержан. Однако советской администрации не всегда удавалось удерживать в узких рамках ведом-

ственных инструкций творчество военнопленных. Так, в ряде случаев, особенно в «лесных зонах», пленные на концертах пели японские песни «боевого характера» [1, с. 159]. Главными привилегиями активистов были освобождение от тяжёлых физических работ, дополнительный паёк и возможность оказаться в числе первых при определении очередности репатриации

(наряду с активистами политико-пропагандистской работы) [10].

Если обратиться к таблице распределения японских военнопленных в лагерях Хабаровского края, мы не увидим в ней территорий Камчатки, хотя в некоторых документах и мемуарах старожилов нам часто встречается термин «военнопленные».

В лагерях Хабаровского края [35; 21]

Наименование учреждения	Дислокация лагеря	Численность военнопленных, чел.
Лагерь № 1	Комсомольск	26 488
Лагерь № 3	Райчихинск	913
Лагерь № 4	Известковая	24 138
Лагерь № 5	Комсомольск	19 661
Лагерь № 16	Хабаровск	9 981
Лагерь № 17	ст. Хор, ДВЖД	6 374
Лагерь № 18	Комсомольск	13 211
Лагерь № 19	Райчихинск	11 011
Лагерь № 20	Благовещенск	15 515
Лагерь № 21	Николаевск-на-Амуре	5 500
Лагерь № 22	Оха-на-Сахалине	1 986
Лагерь № 46	Биробиджан	6 381
Спецобъект 45	Хабаровск	215

Обратимся к документам. В КГКУ «Государственный архив Камчатского края» хранится Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР «О дорожном строительстве на Камчатке» 1945 г.: «Обязать Наркомат Обороны Союза ССР /тов. Булганина/ выделить Камчатскому дорожно-строительному тресту 2 тысячи человек военнопленных и доставить их на Камчатку к 1 апреля 1946 года» [32]. Однако документа, подтверждающего прибытие на Камчатку этого контингента мною не найдено. В КГБУ «Камчатский краевой объединённый музей» хранятся копии письма Зобнина Василия Васильевича Питомцу Н. Н. от 21 июля 1987, в котором он сообщает о том, что будучи в Петропавловске-Камчатском в 1946 г. он служил начальником охраны лагерей японских военнопленных и много беседовал с ними. «В районе города и вокруг было, по-моему, 5 с общей численностью 1300 человек. Объединены они были в отдельный рабочий батальон 525» [33]. С. В. Гаврилов упоминает о том, что

к первым послевоенным годам относятся несколько попыток вести дорожное строительство при помощи подневольной рабочей силы в лице японских военнопленных и заключённых. «Учитывая, что товарищ Микоян дал указание генерал-лейтенанту товарищу Гнечко о том, что войсковые части Камчатки должны принять активное участие в строительстве дорог, просить Военный Совет Дальневосточного военного округа решить вопрос о выделении на строительство дорог с 1 апреля 1946 г. 1 000 человек военнопленных японцев, находящихся на Камчатке, 500 человек бойцов, 12 тракторов, 100 подвод и 10 специалистов дорожных работ». Тогда же областные власти подготовили несколько проектов постановления Совнаркома СССР, в которых предусматривалось выделение для этой цели 2 тысяч пленных японцев, о которых говорилось ранее. 120 японцев работали, в частности, на сооружении упомянутого выше моста через р. Быструю. Их сняли отсюда по приказу Дальневосточного военного округа

2 апреля 1946 г. После этого на объекте остались лишь 7 человек, в том числе 2 электросварщика, 2 монтажника и сторож. Мост, сооружённый на 80 %, законсервировали [8].

Несмотря на международную обстановку, японские рыбопромышленники продолжали осуществлять концессионную деятельность на Камчатке и в годы Великой Отечественной войны. 8 августа 1945 г. советское правительство объявило войну Японии. Японские арендаторы в количестве 655 человек и экипажи судов в количестве 121 человек были интернированы погранвластями. Всего было интернировано 776 человек, и один японец утонул во время интернирования. С 18 августа интернированные японцы использовались на различных работах в рыбокомбинатах АКО. 20 августа погранвласти приступили к передаче бывших японских предприятий на Камчатке Акционерному Камчатскому обществу [7, с. 50].

В начале 2000-х гг. были рассекречены документы о масштабной операции камчатских контрразведчиков «Спрут», проходившей в 1945–1946 гг. Её результатом стало задержание среди интернированных рабочих японских рыболовных концессий 12 сотрудников и агентов японских спецслужб, собиравших сведения на Камчатке в 1930–1940-х гг. Первыми были арестованы двое служащих фирмы «Ничиро», находившихся в усть-большерецком лагере интернированных японских рабочих – Танако Хидео и Иосиду Сетцу. Поводом для задержания старшего переводчика фирмы «Ничиро» Танако Хидео послужила его записная книжка, найденная чекистами. В ней содержались сведения о воинских частях, авиации, радиолокационном оборудовании на Камчатке. Переводчик также вёл наблюдение за самолётами и кораблями США у берегов полуострова и скрупулезно фиксировал данные в блокноте. В дальнейшем сотрудникам органов безопасности Камчатки удалось размотать запутанный клубок шпионской сети и выйти на ещё 10 сотрудников японских спецслужб и их агентов. Заседания военного трибунала проходили в закрытом режиме. Всех иностранцев приговорили к длительным срокам лишения свободы [40, с. 124–157]. Таким образом, можно утверждать, что японцы, находившиеся на Камчатке, в основной своей массе были не военнопленными, а интернированными, но, в связи со многими объективными обстоятельствами, их содержание не отличалось от содержания военнопленных. К сожалению, в отличие от Приморья, открывшего репрезен-

табельный блок документов по использованию работы японских военнопленных, в Камчатском крае такой информации почти нет. Крупницы информации можно найти в воспоминаниях старожилов. Например: «Я живу на Морской, в доме № 64, который строили ещё военнопленные японцы – я их видел, тогда пацаном был», – читаем мы в письме безымянного автора в газету «Аргументы и факты» [16]. Владимир Слабука упоминает о строительстве японскими военнопленными дома на ул. Советской, 32. [40, с. 118]. Можно предположить, что и двухэтажный дом, находящийся по адресу г. Петропавловск-Камчатский, ул. Советская, д. 16 общей площадью 908,10 м², возведённый в 1951 г., также построен японцами, как и двухэтажное здание по ул. Советской, д. 19. На сайте ПКФорум старожилы упоминают деревянные дома на двух хозяев на улицах Хабарова, Труда, Комсомольской, 5–9 и ул. Шмидта, которые строились пленными японцами по так называемому финскому проекту, но со временем были снесены и застроены пятиэтажками [23]. Старожил Петропавловска В. Г. Очеретина сообщала в своих воспоминаниях, что «дорогу вокруг Култучного озера также строили пленные японцы» [9, с. 72].

Сохранилась фотография строительства лестницы с ул. Ленинской на ул. Советскую (возле памятника В. Берингу). Один из строителей – пленный японский солдат, 1948 г. [44].

Время, проведённое на стройках Дальнего Востока, японцы называют «сибирским пленом». Его парадокс заключается в том, что очень многие бывшие военнопленные с изрядной долей ностальгии, а иногда и с умилением вспоминают этот тяжелейший период их жизни. При этом они никак не симпатизировали советской власти, прекрасно знают и о десятках тысяч умерших в сибирских лагерях, помнят нечеловеческие условия труда при 50-градусных морозах в сибирской тайге или на Крайнем Севере, невероятно скудное питание и многое другое [29]. Считают, что сибирские лагеря стали для них настоящим университетом жизни, закалившим их характер и научившим выживать в любых условиях. Многим японцам полюбилась русская культура, особенно песни, и они сохранили доброе отношение к нашей стране. Были случаи, когда японские узники, вернувшись на родину, взялись за налаживание сотрудничества с нашими вузами. Например, известный японский виолончелист Йоритоэ Иноуэ в 1950–1960-е гг., бывший в советском плену, много сделал для популяриза-

ции русской и советской песни в Японии. Он являлся автором монографии о Д. Шостаковиче, подготовил и издал несколько песенников, участвовал в руководстве Центральным хором и движением «Поющие голоса», выступал в защиту мира и развития дружеских контактов с СССР [46]. Сравнительно большое количество бывших военнопленных долгое время составляли основу различных обществ дружбы

с СССР и Россией, открытых во многих городах Японии, а во многих случаях были инициаторами создания таких обществ.

К весне 1950 г. на территории СССР остались только те военнопленные японцы, которые подозревались в совершении военных преступлений или были уже осуждены за них. Их численность составляла всего 1487 человек [27, с. 14–15].

1. Базаров О. Д. Идеологическая обработка японских военнопленных в Бурятии // Россия и Восток: взгляд из Сибири : материалы и тез. докл. к XI Междунар. науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 13–16 мая 1998 г.) : в 2 т. Иркутск, 1998. Т. 1. С. 157–161.
2. Он же. «Сибирское интернирование»: японские военнопленные в Бурятии (1945–1948 гг.). Улан-Удэ : Вост.-Сиб. гос. ин-т культуры, 1997. 93 с.
3. Базаров О. Д., Кузнецов С. И. В сибирском плену (Японские военнопленные в Восточной Сибири). Улан-Удэ : Сибирь, 1994.
4. Бондаренко Е. Ю. Политика советского государства по идеологическому перевоспитанию японских военнопленных на Дальнем Востоке России в послевоенные годы // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2017. № 3. С. 41–47.
5. Бюллетень Японской ассоциации бывших военнопленных. 1990. № 117. С. 5.
6. В плену присмирели: как японские военнопленные строили Находку // Nakhodka.Media : [сайт]. Дата публикации: 29.09.2024. URL: <https://nakhodka.media/news/1366266/?ysclid=m8o3yеууli256587186> (дата обращения: 14.01.2025).
7. Вережага Е. М., Витер И. В. Деятельность дипломатического агентства НКВД на Камчатке // Вопросы географии Камчатки / Камч. краев. отд-ние Рус. геогр. о-ва. Петропавловск-Камчатский, 2023. Вып. 18. С. 50.
8. Гаврилов С. В. Поиск оптимальной транспортной связи Западной Камчатки с Петропавловским портом как средства повышения рентабельности рыбной промышленности полуострова // Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки / ред. С. В. Гаврилов. Петропавловск-Камчатский, 2004. Вып. 7. URL: <https://www.kamlib.ru/upload/medialibrary/6f9/hystf7.pdf> (дата обращения: 15.01.2025).
9. Он же. Такой (не)знакомый Петропавловск : ист. очерки. Петропавловск-Камчатский : Новая кн., 2019. 424 с.
10. Гучинова Э.-Б. Рисовать лагерь. Язык травмы в памяти японских военнопленных о СССР. Sapporo : Hokkaido University, 2016. 220 с. Электрон. копия печ. изд. URL: https://militera.org/books/pdf/research/guchinova_em01.pdf (дата обращения: 25.03.2025).
11. Девятый Российско-японский симпозиум по проблемам японского интернирования (военнопленных), 21 сентября 2001 г. URL: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/conf/2001/21092001/21092001.pdf> (дата обращения: 10.03.2025).
12. Документы органов НКВД АУМВД [Академия управления Министерства внутренних дел]. Ф. 40. Оп. 1. Д. 125. Л. 102; Д. 127. Л. 166–167.
13. Долголюк А. А., Маркдорф Н. М. Иностранцы военнопленные и интернированные в Сибири (1943–1950). М. : Кучково поле, 2016. 544 с.
14. Они же. Как кормили пленных Второй мировой войны в сибирских лагерях? // Сибирь в Великой Отечественной войне : сб. материалов Всерос. науч. конф., посвящ. 70-летию Победы сов. народа в Великой Отечеств. войне (Новосибирск, 27–28 апр. 2015 г.). Новосибирск, 2015. С. 125–132.
15. Дорохов В. Ж. Проблемы содержания японских военнопленных в Хабаровском крае в 1945–1946 гг. // Военно-исторический журнал : [сайт]. Дата публикации: 02.08.2023. URL: <https://history.milportal.ru/problemu-soderzhaniya-yaponskix-voennoplennykh-v-khabarovskom-krae-v-1945-1946-gg/> (дата обращения: 10.03.2025).
16. Еженедельник «Аргументы и Факты». 2011. № 43 (25 окт.).
17. Жадан А. В. Документы органов НКВД об условиях содержания японских военнопленных на территории Хабаровского края в сентябре – декабре 1945 года // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2020. № 3. С. 112.
18. Он же. Организация лагерей НКВД для японских военнопленных на территории Хабаровского края в августе – декабре 1945 г. (по материалам архивов НКВД-МВД) // Вестник Московского университета. Серия 8 : История. 2020. № 2. С. 69.
19. Иллюстрированный дневник японского военнопленного // Livejournal : попул. сервис для ведения блога и развития сообщества. Дата публикации: 30.06.2013. URL: <https://visualhistory.livejournal.com/279848.html> (дата обращения: 10.03.2025).

20. Худяков П. П., Швец А. В. Исправительно-трудовые учреждения Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Хабаровск, 2009. 125 с.
21. История войны на Тихом океане : в 5 т. М. : Изд-во ин. лит., 1958. Т. 4 : Второй период войны / пер. с яп.: Л. З. Левин, В. И. Родионов, В. И. Шипаев. 358 с.
22. Калинин К. Голод в СССР в 1946–1947 годах – полный анализ // Проза.ру : рос. лит. портал. URL: <https://proza.ru/2023/04/30/862> (дата обращения: 10.03.2025).
23. История города по районам // ПКФорум: новости, комментарии, обсуждения : [сайт]. URL: <https://pkforum.ru/index.php?topic=44157.0&ysclid=m8ziki4jza965132024> (дата обращения: 15.03.2025).
24. Катасонова Е. Л. Последние пленники Второй мировой войны: малоизвестные страницы российско-японских отношений. М. : Ин-т востоковедения РАН, 2005. 253 с.
25. Киба Д. В. Японцы и русские: взаимовосприятие на Дальнем Востоке СССР в послевоенный период // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 3. С. 46.
26. Ким С. П. Продовольственное обеспечение японских военнопленных в 1945–1950 гг. // Военно-исторический журнал. 2015. № 2. С. 61–68.
27. Он же. Японские военнопленные на территории Советского Союза. 1945–1956 гг. : автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 2016. С. 14–15.
28. Кузнецов С. И. Проблема военнопленных в российско-японских отношениях после Второй мировой войны. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1994. 190 с.
29. Он же. Россия глазами японских интернированных (1945–1956 гг.) // Мемориал. Красноярск : [сайт]. URL: <https://memorial.krsk.ru/Articles/2003/2003Kuznecov/0.htm> (дата обращения: 24.03.2025).
30. Он же. Японцы в сибирском плену (1945–1956 гг.). Иркутск : Изд-во журн. «Сибирь», 1997. 261 с.
31. Невский Е. С. Хабаровский процесс. Отряд 731: от рассвета до заката // Наука, техника и образование. 2021. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/habarovskiy-protsess-otryad-731-ot-rassveta-do-zakata> (дата обращения: 02.04.2025).
32. ГАКК [Государственный архив Камчатского края]. Ф. 174. Оп. 1. Д. 3. Отчёт о работе и переписка о строительстве дорог на Камчатке.
33. ККОМ [Камчатский краевой объединённый музей]. ОФ. 38059/292. Л. 1. Письмо Зобнина Василия Васильевича Питомцу Н. Н. от 21.07.1987 г.
34. Постановление Государственного Комитета Обороны «О приеме, размещении и трудовом использовании 500 000 военнопленных японской армии» от 23.08.1945 № 9898сс // Мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД». Отдел Томского областного краеведческого музея : [сайт]. URL: https://nkvd.tomsk.ru/content/editor/DOCUMENTS/ArhiwnDokuments/SSSR/SSSR_1918_1988/147-23-08-45-Postanovlenie-Gosudarstvennogo-Komiteta-oborony-9898ss.pdf (дата обращения: 02.04.2025).
35. АУВД ХК [Архив Управления внутренних дел Хабаровского края]. Ф. 39. Оп. 1. Д. 162. Приказ НКВД СССР «Об организации лагерей НКВД для военнопленных № 16, 17, 18, 19, 20, 21 и 22» от 01.09.1945 г.; Карасев С. В. История плена: советско-японская война и её последствия: 1945–1956 гг. : дис. на соискание уч. степ. д-ра ист. наук. Иркутск, 2007. 505 с.
36. Русский архив: Великая Отечественная. М. : ТЕРРА, 2000. Т. 18 : Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы. Документы и материалы. С. 228–230.
37. Серебренников С. В. Культурно-массовая работа среди японских военнопленных и их творчество в лагерях на территории СССР (отечественная историография) // Манускрипт. 2019. № 11. С.117–118.
38. Он же. Отечественная историография трудоустройства японских военнопленных в СССР // Современная научная мысль. 2020. № 5. С. 72.
39. Сидоров С. Г. Организация охраны военнопленных и борьба с побегами в лагерях НКВД – МВД СССР в 1941–1956 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4 : История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. № 4. С. 100–104.
40. Слабука В. Обрубленные шупальца «Спрута» // Дело взято из архива... : сб. очерков истории гос. безопасности Камчатки / сост. В. Слабука. Владивосток, 2008. 432 с.
41. ГА РФ [Государственный архив Российской Федерации]. Ф. Р–9401. Оп. 2. Д. 143. Л. 190, 191. Сообщение министра внутренних дел СССР С. Н. Круглова министру иностранных дел СССР В. М. Молотову о японских военнопленных, содержащихся в лагерях МВД СССР. 2 сентября 1946 г.
42. Спиридонов М. Н. Японские военнопленные в Красноярском крае (1945–1948 гг.): проблемы размещения, содержания и трудового использования. Красноярск : Краснояр. гос. пед. ун-т, 2003. 276 с.
43. Хабаровский процесс: историческое значение и современные вызовы // Генпрокуратура РФ : [сайт]. Дата публикации: 06.09.2021. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=64996227> (дата обращения: 13.04.2025).
44. Хроники Камчатки // Одноклассники : социальная сеть. URL: <https://ok.ru/group61245772595322/topics> (дата обращения: 20.04.2025).
45. Шишов А. В. Россия и Япония: история военных конфликтов. М. : Вече, 2001. 572 с.
46. Японские военнопленные в СССР. 1945–1956 : сб. док. / сост.: В. А. Гаврилов, Е. Л. Катасонова. М. : МФД, 2013. 784 с.